

И. Г. ВОРОБЬЁВА, А. А. КУЗНЕЦОВ

**ИСТОРИК ЗАПАДА
В РОССИЙСКОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ
СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРЯЗИНОВ (1891–1971)**

В статье по материалам архивов Твери и Нижнего Новгорода, воспоминаниям, письмам историка прослежено научное формирование С. В. Фрязинова в Московском университете, основные направления его исследований (история Французской революции, творчество Ипполита Тэна, история Древнего Рима, история средневековой Испании), а также преподавательская деятельность в Костроме, Калининне (Твери) и Горьком (Нижнем Новгороде).

Ключевые слова: *С. В. Фрязинов, А. Н. Савин, преподавание всеобщей истории.*

Профессор Московского университета А. Н. Савин записал в своем дневнике: «Я историк, я знаю причуды и повороты судьбы». Его ученик – Сергей Васильевич Фрязинов, помня эти слова, на разных поворотах стремился сохранить себя в профессии. Он пережил революции, войны, голод, потери близких, но остался историком и педагогом до конца дней. Об этом человеке и его месте в советской исторической науке пойдет речь в настоящей статье, подготовленной на основе наших многолетних разысканий¹. Объемное личное дело С. В. Фрязинова в составе фонда Калининского государственного педагогического института, документы нижегородских архивов², устные сообщения лично знавших его людей, а главное, его труды дали нам возможность составить биографию историка, что дополняет представления о науке и обществе советской эпохи.

С. В. Фрязинов, заполняя Личный листок по учету кадров 14 февраля 1933 г., записал о себе: «Родился в Костроме 25 сентября по старому стилю 1891 г.; народность – великорус; социальное происхождение [следовало указывать бывшее сословие или звание] – сын статского советника; основное занятие родителей: отец преподаватель (умер), мать – домашняя хозяйка (на моем иждивении), социальное происхождение – служащий; беспартийный»³. Более ранние документы свидетельствуют,

¹ К 120-летию историка нами опубликованы предварительные результаты исследования. См.: *Воробьева, Кузнецов*. 2011.

² См. одну из последних работ: *Григорьева*. 2010.

³ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 17. Дата рождения (1893 г.) в некрологе и в ряде нижегородских статей, упоминавших С. В. Фрязинова, ошибочна.

что его отец Василий Гаврилович Фрязинов (18.06.1859–29.04.1922) служил в духовной семинарии Костромы как помощник инспектора и преподаватель богословия⁴. Мать – Мария Петровна, урожденная Попова – дочь инспектора Костромской семинарии, в доме которого на улице Пятницкой и жила семья Фрязиновых. Сергей учился в мужской гимназии⁵ и прославился в городе тем, что не получал иных оценок, кроме отличных. Гимназист Фрязинов обладал уникальной памятью, чем восхищались впоследствии его коллеги-педагоги. Окончив гимназию с золотой медалью, он в 1909–1913 гг. продолжил учебу в Московском университете на историко-филологическом факультете. В копии диплома⁶ указано, что все испытания он выдержал весьма удовлетворительно, т.е. по нынешней шкале оценок диплом можно назвать «красным».

В 1909–1910 г. Фрязинов прослушал читавшийся А. Н. Савиным курс, посвященный историографии Великой французской революции. Эти лекции произвели на него сильное впечатление, их конспекты он хранил до конца жизни, и сейчас они хранятся в архиве Музея Нижегородского государственного университета. В 1911 г. профессор Савин предложил студентам на соискание медалей тему «Тэн как историк и социолог», тесно связанную с происходившей незадолго до того полемикой между французским историком Альфонсом Оларом и его школой, с одной стороны, и защитниками Ипполита Тэна, с другой. Фрязинов принял участие в конкурсе, и его работа на основании отзыва Савина была удостоена факультетом золотой медали⁷. Тему Французской революции Фрязинов не забросил и после окончания университета. Многие годы он изучал мировоззрение философа и литературоведа И. Тэна, писал о нем книгу, мечтал защитить диссертацию.

Почему студента Фрязинова заинтересовала всеобщая история, неизвестно. Возможно, хорошо зная иностранные языки, он включился в разбор оживленной полемики во французской литературе начала XX в. В многочисленных анкетах он сообщал, что свободно владеет французским языком, с итальянского и английского переводит без словаря, читает и может объясняться по-немецки. В 1940-е гг. он изучил испанский язык.

⁴ Биографические сведения о семье Фрязиновых нам сообщил костромской библиограф П. П. Резепин, за что выражаем ему искреннюю благодарность.

⁵ Резепин. 2006.

⁶ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 19.

⁷ Самооценка студенческой работы имеется в машинописной копии варианта диссертации «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (118 листов), хранящейся в не разобранном пока личном фонде историка в Музее Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Выпускная работа Фрязинова, как было сказано, выполнялась под руководством А. Н. Савина – профессора с мировым именем. Он и рекомендовал своего ученика для подготовки к профессорскому званию. В советское время поствузовское образование стали называть аспирантурой, и Фрязинов постоянно сообщал в своих документах: «представлен был профессором А. Н. Савиным к аспирантуре по истории Запада, оставленным при университете состоял в течение трех лет в 1914–1917 гг.»⁸. Как видим, он не отказывался от принадлежности к старой университетской корпорации. На протяжении жизни он поддерживал интеллектуальное общение с выпускниками Московского университета: для чтения лекций приглашал в Тверь В. М. Лавровского, поступившего в Московский университет годом позже него, в Нижнем Новгороде (Горьком) общался с С. И. Архангельским и Н. И. Приваловой; в 1950–60-е гг. переписывался с профессором ГГУ В. Т. Илларионовым⁹; во время работы в ГГУ сошелся и с профессором Н. П. Соколовым¹⁰.

Магистерские экзамены Фрязинов сдать не успел. Его аспирантура пришлась на время войн и революций, ломки старой университетской системы образования, отмены ученых степеней и званий и потому не завершилась защитой магистерской диссертации. Вероятно, спасаясь от голода, он в 1919 г. вернулся к родителям в Кострому, где на волне революционно-преобразовательного энтузиазма открылся Рабоче-крестьянский университет. Фрязинов читал в нем лекции по средневековой и новой истории Запада¹¹. О положении дел в университете Фрязинов писал А. Н. Савину. В фонде Савина сохранилось немного писем, но в их числе одно из Костромы, датированное 14 января 1920 г. Прочитируем его: «Должен еще раз Вас поблагодарить за любезное содействие составле-

⁸ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 21.

⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313; Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390; Оп. 3. Д. 209; Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. О С. И. Архангельском см.: *Кузнецов А. А.* 2009; О Н. И. Приваловой см.: *Зюзина., Кузнецов, Пудалов.* 2008. О В. Т. Илларионове см.: *Берельковский.* 1983; *Колобов, Кузнецов, Толстова.* 1996.

¹⁰ Профессор Николай Петрович Соколов (1890–1979), специалист по средневековой истории Восточного Средиземноморья, считающийся наряду с С. И. Архангельским и В. Т. Илларионовым, «отцом-основателем» исторических факультетов в Нижегородских гос- и педуниверситетах. Портрет Н. П. Соколова находится в той же мемориальной аудитории исторического факультета Нижегородского госуниверситета, что и портрет С. В. Фрязинова, С. И. Архангельского и В. Т. Илларионова. О Н. П. Соколове см.: *Кузнецов, Меженин.* 1988.

¹¹ Отец, бывший преподаватель семинарии, состоял в этом университете научным сотрудником кафедры обществоведения. Сведения предоставлены П. П. Резеппиным. Архив Костромского университета пострадал во время пожара.

нием отзыва о моих занятиях. Дело мое решено: 1 декабря прошлого года избран преподавателем всеобщей истории гуманитарным факультетом, 6 января с.г. избран советом университета, а после 20-го думаю приступить к занятиям. Для начала беру новую историю – подготовку Великой Французской Революции и самую Революцию, до которой, впрочем, едва ли доберусь в этом семестре. Затруднение довольно существенное ощущается однако с пособиями к занятиям: общие работы многие имеются, но по отдельным вопросам дело обстоит весьма скудно. Во всяком случае постараюсь сделать, что смогу. Еще сильнее смущает меня отсутствие профессора – главного представителя кафедры и руководителя начинающих преподавателей. Профессура по всеобщей истории у нас до сих пор не замещена, так как нет кандидатов. Коллега мой по кафедре – Н. С. Цемш, молодой человек из оставленных при Петроградском университете, ученик проф. Гревса и специалист по раннему средневековью, тоже преподаватель, не державший магистерского экзамена; он старше меня года на 4; читает раннее средневековье и историю Франции в XVI веке. В довольно безнадежном положении у нас дело с преподаванием древней истории; если бы нашелся в Москве кто-либо из бывших приват-доцентов, хотя бы начинающих, кто взял бы на себя чтение курсов по древней истории! Он, конечно, был бы без всяких затруднений избран у нас профессором всеобщей истории. По новой истории намечается у нас такая схема преподавания на 3 года с повторением, буде уцелеет университет, по истечении этого промежутка времени: 1) общий курс, сосредоточенный вокруг реформационного движения и его последствий – примерно до середины XVII века; 2) общий курс по старому порядку и Великой Французской революции и 3) общий курс по истории XIX века... Что касается состава учащихся, то он, конечно, несравненно слабее московского; очень слабо распространено и знание иностранных языков, что для изучения всеобщей истории – конечно, большая помеха; дело приходится иметь, кроме того, со слушателями, непостоянными по составу из-за частых мобилизаций. Преобладают, впрочем, слушательницы из окончивших женскую гимназию»¹².

Одновременно С. В. Фрязинов преподавал историю на рабочем факультете и в средней школе. Конфликтов с новой властью он старался избегать, но сделать это было не просто. В том же письме к А. Н. Савину он писал: «В Костроме идет экзекуция над преподавателями, которых уволено уже человек 50, и в ближайшем будущем будет уволено

¹² НИОР РГБ. Ф. 263. П. 30. № 136. Заметим, что в описи фонда не указаны личные сведения С. В. Фрязинова.

еще столько же. «Разносят» учительский союз, в котором видят кадетское контрреволюционное гнездо, выделяющееся из общей массы верноподданных профессиональных союзов. В один из только что появившихся проскрипционных списков попал и я – и с 15 января я уже «бывший» педагог городской школы». На всякий случай он хранил для предъявления своей лояльности власти важное удостоверение, представленное позднее в Калининский пединститут, за подписью заведующей клубным кабинетом Пролеткульта и Клубным отделением Политико-просветительного института членом РКП(б) М. Растопчиной¹³.

В Костроме Фрязинов увлёкся изучением местной истории, что оказалось актуальным почти для всех губернских городов, где еще сохранялись ученые архивные комиссии и рождались новые научные институты. Так, Костромское научное общество активизировало свою деятельность, приняв новых членов¹⁴. Фрязинову доверили публикацию архива дворян Волженских, приобретённого Обществом еще в 1914 г.

В Научной библиотеке Тверского госуниверситета счастливо сохранился экземпляр этой книги¹⁵, представленной Фрязиновым при поступлении на службу в местный педагогический институт. Имеется экземпляр книги в Нижнем Новгороде, в личном фонде Н. И. Приваловой¹⁶.

Первая научная публикация историка состоит из двух частей. Обширная вступительная статья на основе семейного архива представляла дворянский род Волженских, состав семьи в течение нескольких поколений, способы приобретения земельных владений. Историк обращал внимание читателей на то, как отстаивали и приумножали дворяне свое достоинство, как несли государственную службу, платили налоги, как жили в семейном кругу, вели хозяйство и боролись за рабочие руки в тяжелые годы хозяйственного кризиса, повлиявшего на культурный уровень помещиков и их крестьян. Локальное исследование Фрязинова, выполненное в дореволюционной традиции российской генеалогической науки с ее вниманием к семейным архивам русской аристократии, дополняло и корректировало общие работы, в частности «Замосковский

¹³ Оригинал документа был приложен к удостоверениям при устройстве на службу в Калининский пединститут в январе 1933 г. См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 6.

¹⁴ См.: Флейман Е. А. [Электронный ресурс].

¹⁵ См.: Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде. 1919.

¹⁶ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 370. Подарок, возможно, объясняется тем, что Н. И. Привалова, исследуя персональный состав Ополчения 1611–1612 гг., открыла и ввела в научный оборот документ, связанный с суздальским поместьем Василия Вакулина Волженского в 1690 г.

край XVII века» Ю. В. Готье. Вторая часть книги – публикация документов (чуть больше сотни), распределенных по разделам: материальное положение Волженских, пожалования Волженских, о службе, данные о движении населения, сведения о сельском хозяйстве, культурный уровень помещиков, духовенства, крестьянства. По словам рецензента А. Андреева, Фрязинов не оставил без пояснений ни одного документа, охарактеризовав хозяйство московских служилых людей с XVII века¹⁷.

Выполненной работой С. В. Фрязинов гордился не без основания. «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» – замечательный образец кропотливого источниковедческого анализа, освоенного в школе Московского университета.

Однако в родном городе историк оставался недолго. Много позднее в письме к коллеге С. И. Архангельскому он объяснял причины отъезда: «С “упразднением” истории М. Н. Покровским и ликвидацией института в Костроме осенью 1923 г. перебрался на жительство в Москву»¹⁸. Здесь он приобрел постоянное жилье на Садово-Кудринской улице, д. 24, кв. 10, где и был прописан до конца дней. В Москве с ним жили мать и брат, отец скончался еще в Костроме. Собственная семейная жизнь, видимо, не сложилась, его брак был недолгим, потомков не осталось.

Оказавшись в Москве, историк вынужден был приспосабливаться к новым условиям жизни. В 1920-е гг. историческое образование в советской России претерпевало коренные изменения. В Московском университете вместо историко-филологического факультета с 1919 г. действовал факультет общественных наук (ФОН), готовивший преподавателей обществоведения. В 1925 г. его преобразовали в факультеты советского права и этнологический, где изучение истории было крайне ограничено. Найти место в системе высшей школы оказалось затруднительно. К тому же А. Н. Савин неожиданно скончался в январе 1923 г.

В Москве Фрязинов, по его собственным словам, «работал в качестве как научно-литературного работника (сотрудника Советской энциклопедии и педагогических журналов и сборников), так и педагога-практика (до начала 1931 г. – в техникуме, на спецкурсах, в школе II ст. и др.) и работника по повышению квалификации педагогов (с 1931 г. – районный лаборант по обществоведению, лектор курсов по подготовке слушателей райкомвуза к преподаванию обществоведения во II ст., лектор районного филиала городского вечернего педтехникума)»¹⁹.

¹⁷ Андреев. 1921.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8.

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 1.

Служба в школе была напряженной, о чем может поведать официальная справка, выданная 14. 07. 1930 г.: «Справка выдана Месткомом шк. 35 КИМ Сокольнического района тов. Фрязинову С.В. в том, что он, состоя на службе в школе 35 в качестве преподавателя обществоведения, несет большую общественную нагрузку: состоя руководителем историко-географического кружка семилетки, руководителем политкружка Спецкурсов; работает в школьной библиотеке; прикреплен и работает в школьном форпосте пионеров; состоит членом Президиума Школьного совета; членом Ревизионной комиссии Месткома. Работает в ударной группе «На работе с деревней» в колхозе Митино. Выступает с докладами и лекциями на подшефном производстве и на всех революционных празднествах и кампаниях в школе. Кроме того, проводит работу по учету соцсоревнования среди уч-ся школы»²⁰. Данный текст интересен набором общественных нагрузок советского школьного учителя-некоммуниста.

Работа с учениками действительно радовала Фрязинова, и выполнял он ее умело²¹. Обратим внимание на его статью, опубликованную в 1934 г. в журнале «История в средней школе». Номер журнала был полностью посвящен реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в средней школе». Статья Фрязинова называлась «Из области методики исторической экскурсии»²². Экскурсионная работа в советской школе в 1920-е гг. велась активно²³, сформировались определенные методические приемы. Фрязинов, применяя их, давал практические советы по организации и проведению учителем экскурсии в музеи, по местам революционных событий, рекомендовал учитывать возраст, знания, настрой школьников.

Курсы истории в ту пору преподавались в школах не систематично, лишь отдельные сюжеты из европейской истории интересовали чиновников от образования. Фрязинов, учитывая эти обстоятельства, выпустил ряд методических публикаций: «К проработке материала по всеобщей истории в восьмых группах школы II ст.», «К проработке тем по истории феодализма и промышленного капитализма на Западе», «Что читать по истории классово-борьбы преподавателю ФЗС», «К проработке тем по

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ О работе со школьниками Фрязинов в 1924 г. написал заметку «Впечатления от первого опыта» (перепись торговых и промышленных предприятий г. Москвы силами учащихся по заданию Госплана в 35 шк. Сокольнического района) в журнале «Вестник просвещения» (1924. № 4–6).

²² Фрязинов, Павлов. 1934.

²³ К примеру, об экскурсиях писал коллега Фрязинова по пединституту А. Н. Вершинский. См.: Дальние экскурсии по Тверской губернии. 1928.

истории Запада в средней школе». Журнал-учебник «Юный большевик» опубликовал его статьи о промышленном перевороте и чартистском движении в Англии. Обращает на себя внимание лексика педагога: ученики не изучали материал под его руководством, а прорабатывали. Слова «работа», «рабочий», «работать» – ключевые для того времени.

Преподавательскую деятельность Сергей Васильевич совмещал с сотрудничеством в Большой и Малой советских энциклопедиях²⁴ и педагогических журналах. В 1931 г. его зачислили рецензентом в Критико-библиографический институт (прежде Институт рекомендательной библиографии). Это учреждение находилось в системе ОГИЗа, но контролировалось Наркомпросом и выполняло оценки идеологического качества книжной продукции. У историка появилась возможность планировать свою исследовательскую работу и зарабатывать, публикуя рецензии и аннотации на вновь выходящие исторические издания.

Научные занятия Фрязинова в те годы связаны с Институтом истории РАНИОН, находившимся под началом академика Д. М. Петрушевского. В нем работали молодые аспиранты А. И. Неусыхин, Б. Ф. Поршнев и опытные историки, ровесники Фрязинова и тоже ученики А. Н. Савина, – Е. А. Косминский, В. М. Лавровский, С. Д. Сказкин, составившие «костяк» будущей советской медиевистики²⁵. В Институте истории передавались опыт и знания от прежней российской научной школы, шло интеллектуальное общение со сверстниками, обсуждались актуальные научные проблемы²⁶, в том числе история Французской революции.

На заседаниях Института истории (даты неизвестны) С. В. Фрязинов прочитал доклады «Влияние Парижской коммуны на исторические взгляды Тэна» (объем 7 п.л.)²⁷ и «Из начальной истории духовного развития И. Тэна» (объем примерно 1,5 п.л.) и подготовил их к печати.

Знания, полученные в семинарах А. Н. Савина, и участие в работе Института истории, позволили Фрязинову еще в 1926 г. написать научно-популярный очерк «Великая французская революция», изданный в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции. Книга не претендовала на

²⁴ Статьи исторического содержания за подписью С. В. Фрязинова можно прочитать в электронных изданиях энциклопедических словарей.

²⁵ См.: *Вайнштейн*. 1968. С. 42–45.

²⁶ О работе Института истории см.: Памяти Александра Николаевича Савина. 1926. Имени С. В. Фрязинова в этом сборнике нет, но в его личных документах ссылки на указанные доклады имеются.

²⁷ Машинописная копия доклада «К вопросу о влиянии Парижской коммуны на Ипполита Тэна» (объем 52 с.), датированная 1933 г., сохранилась. См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 382.

оригинальность научных построений или выводов и не основана на широком самостоятельном изучении источников, как признавался автор в предисловии²⁸. Хорошо знакомый с достижениями «русской школы» изучения Великой французской революции и знающий французскую литературу Фрязинов видел свою задачу в том, чтобы «дать по возможности доброкачественный и живой общий очерк революции для широкого читателя». Он был убежден, что знание событий Французской революции необходимо русскому читателю, потому что, «борясь с темными сторонами прошлого, рабочий класс не может, не должен забывать об этом прошлом, наследником которого он является, и в котором есть немало увлекательных, захватывающих страниц». Сравнение Французской и Русской революций не было открытием Фрязинова, книга соответствовала духу того времени и была допущена Государственным ученым советом (ГУС) Наркомпроса для библиотек школ и взрослых, что, кстати, послужило одним из оснований для присвоения автору степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.

В 1939 г. у Фрязинова появилась еще одна возможность высказаться публично об уроках Французской революции²⁹. К ее 150-летию популярный иллюстрированный «Исторический журнал», посвященный вопросам гражданской истории, опубликовал цикл статей. Авторами стали известные историки-марксисты А. Молок, Ф. Хейфиц и др.³⁰. Фрязинов написал большую и хорошо иллюстрированную статью о якобинской диктатуре, излагая ход событий 1793–1794 гг. Хотя статья имела ссылки на сочинения В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, однако марксистская методология просматривалась в ней слабо, кроме несколько абзацев в конце статьи. К примеру, «марксизм-ленинизм видит подлинную причину поражения якобинцев в классовой ограниченности буржуазной революции. Якобинцы выполняли историческую миссию самого передового отряда буржуазной революции» и т.д. Современный историк мог бы увидеть в них определенную идеологическую направленность автора статьи. На самом же деле концовка статьи принад-

²⁸ Фрязинов. 1927. Экземпляр книги был подарен автором библиотеке Калининского пединститута.

²⁹ Оценка работ С. В. Фрязинова имеется в современных историографических работах. См.: Гордон. 2009.

³⁰ Позднее журнальные статьи составили большой академический труд: Французская революция 1789–1794 гг. 1941. С. В. Фрязинов написал разделы: Якобинский блок (осенью 1793 г.); Борьба вокруг «дехристианизации»; Обострение борьбы между эбертистами и робеспьеристами по вопросам максимума, системы террора, внешней политики; Распад якобинского блока. Падение эбертистов и дантонистов.

лежала редактору, о чем позднее Фрязинов сообщил в письме В. Т. Илларионову. По его словам, «несколько десятков строк в конце ее представляет собой публицистическое дополнение, внесенное редакцией журнала без ведома автора»³¹. Не надо пояснять, что для 1939 г. редакторская правка была необходима, она текстуально совпадала с указаниями Сталина по конспекту учебника Новой истории. Фрязинов же с этим «публицистическим» дополнением явно был не согласен, и ему было безразлично мнение коллег об уровне его научной продукции.

Как мы уже упоминали, С. В. Фрязинов продолжил тему своей магистерской диссертации в 1930-е гг. В тексте, датированном 1933 г., объяснялась мотивация нового обращения к творчеству Ипполита Тэна: «Драма нашей русской революции имеет целый ряд точек соприкосновения с историей Парижской коммуны, и вопрос о Коммуне и Тэне невольно напрашивается на сопоставление с вопросом гораздо более актуальным, особенно для первых лет нашей революции, о влиянии Октября на мировоззрение нашей интеллигенции»³². В начале 1940-х гг. историк подготовил текст диссертации, предполагая защитить ее как докторскую³³. Диссертацию «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (465 страниц)³⁴ Фрязинов подготовил к 1946 г., но до защиты дело не дошло.

Вернемся к началу 1930-х гг. Не найдя места в вузах Москвы, Фрязинов стал искать преподавательскую должность в ближайшей провинции. По рекомендации старых знакомых по Костроме профессоров П. Н. Груздева и М. Г. Кадека, служивших в Наркомпросе и сообщавших ему о вакансиях, он обратился в феврале 1933 г. с заявлением на имя директора Калининского пединститута³⁵. В Твери (переименована в г. Калинин в ноябре 1931 г.) Фрязинов проработал с февраля 1933 по

³¹ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 6 об.

³² См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 382.

³³ Даты на рукописи нет. В 1949 г. Фрязинов сообщал Архангельскому: «после войны (в 1946 г.) закончил давно начатую работу (21 печатный лист) – «Ипполит Тэн и Парижская коммуна». Эта работа по историографии французской буржуазной революции конца XVIII в. дана мною теперь на просмотр некоторым специалистам для определения, в какой мере она может по теме и выполнению служить основой докторской диссертации» (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8 об.).

³⁴ Рукопись Фрязинова «Ипполит Тэн и Парижская коммуна» (хранится в Архиве Музея Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) копирована студенткой исторического факультета Нижегородского государственного университета Александрой Владимировной Поляковой.

³⁵ См.: ГАТО. Р-1213. Оп. 44. № 41. Л. 1. Будущий академик Матвей Георгиевич Кадек в 1929–1931 гг. был директором пединститута в Твери, и его рекомендация (она имеется в Личном деле), несомненно, помогла Фрязинову.

сентябрь 1938 г. Калининский пединститут был открыт еще по решению Временного правительства, но собственными кадрами обзавестись не успел, поэтому для чтения лекций часто приглашались профессора из Москвы. Первым профессором-всеобщником был Н. И. Радциг, читавший лекции с 1919 г. Приезжали в 1920-е гг. и будущие известные медиевисты С. Д. Сказкин и Н. П. Грацианский. С ними Фрязинов не раз встречался в Москве на заседаниях в Институте истории. После отъезда Сказкина в 1932 г. Фрязинов занял вакантное место преподавателя истории Запада. Карьера в Калининне складывалась удачно: 27 марта 1934 г. он был утвержден в звании «доцента истории Запада», в сентябре 1935 г. представлен «к ученой степени кандидата наук, как лицо, имеющее научные труды, по своему содержанию и значению отвечающие требованиям оформления в ученой степени без защиты диссертации»³⁶. Правда, присудили ему ученую степень только 19 июня 1938 г., что было связано со сменой кадров в Наркомпросе из-за многочисленных репрессий.

Как же складывались отношения Фрязинова с коллегами по кафедре? Как он ощущал себя в Калининском пединституте? Сведений об этом у нас мало, но делопроизводственные документы показывают, что на кафедре истории в те годы преподавали М. А. Розум, А. Н. Вершинский, В. Н. Тарасов, П. М. Травин, О. И. Бершадская, Д. И. Панкратов, Ф. Храмцов. Все они были почти ровесниками Фрязинова, двое имели университетское образование, но, пожалуй, лишь А. Н. Вершинский мог быть интересен Фрязинову в общении. Выпускник Петербургского университета, он преподавал в пединституте русскую историю и краеведение³⁷. Серьезными научными исследованиями по всеобщей истории в те годы в Калининском пединституте занимался только Фрязинов.

По имеющимся в архиве кафедральным документам³⁸ установлено, что в разные годы доцент Фрязинов читал курсы по истории доклассового общества и Древнего Востока, истории Средних веков, проводил практические занятия. На заседаниях кафедры истории он выступал с обсуждением новых учебных программ, ему поручали ознакомиться с опытом проведения практических занятий в московских вузах. Фрязинов руководил студенческим кружком, читал лекции учителям Калининской области, выезжал в отдаленные города, в частности в Великие Луки. В кафедральном отчете за 1936 г. указано, что всего членами кафедры истории (6 человек) прочитано для учителей 38 лекций, из них Фря-

³⁶ См. копии документов, направленные в квалификационную комиссию УПУ Наркомпроса РСФСР: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 29.

³⁷ Профессор Анатолий Николаевич Вершинский. 2005; Воробьева. 2008.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13; Д. 16.

зиновым – 21³⁹. Выступал он с докладами и на заседаниях кафедры. Так, в 1936 / 37 уч. году было прочитано сообщение «Происхождение египетского государства»⁴⁰. В порядке связи с учреждениями Москвы Фрязинов вел переговоры с рядом московских профессоров относительно приглашения их в Калинин для чтения лекций на исторические темы. В результате состоялись лекции В. М. Лавровского «Англия XVI–XVII вв.» и В. К. Никольского по истории доклассового общества⁴¹.

О лекторской работе Фрязинова тех лет имеется интересное свидетельство. Так, на одном из заседаний кафедры студентка Климова говорила, что «лекции бывают или насыщенные содержанием и обоснованы методически (пример лекции Фрязинова, который как никто использует наглядные пособия и обычно связывает материал с современностью), или с трудом записываемые, не выделяющие основных вопросов и мало иллюстрированные»⁴². Выступившая студентка рекомендовала преподавателям «придерживаться метода т. Фрязинова».

За годы преподавания в Калининской научная активность Фрязинова не ослабла. Продолжая тему «Ипполит Тэн и Парижская коммуна», он писал и статьи для критико-библиографического журнала «Книга и пролетарская революция», вероятно, числясь в штате рецензентов. Обратим внимание на его рецензию первого тома перевода «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо⁴³. Не имея марксистских трудов по всемирной истории, советские издательства обратились к переизданию дореволюционных книг. Автор рецензии задавался вопросом: насколько новое издание стоит на уровне современной исторической науки, как в методологическом отношении, так и в смысле объема и ценности фактического материала? Отвечая на него обстоятельно и приводя множество аргументов, Фрязинов заключал: «...фактический материал рецензируемой книги может иметь известное значение, но методологически книга для советского читателя неприемлема, и необходимо, чтобы следующие тома ее снабжались обстоятельными вводными статьями критического характера». Он приводил новые оценки ряда важных событий европейской истории. В частности, подробно оценивал континентальную блокаду времен Наполеона и, опираясь на книги Е. В. Гар-

³⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 16. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 16. Л. 5; Д. 13. Л. 12.

⁴² ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 1. Д. 370. Л. 178.

⁴³ См.: *Фрязинов*. 1938а. Примечательно, что в № 5–6 того же журнала на это издание была опубликована рецензия В. М. Хвостова, Р. А. Авербуха и С. В. Кана под броским заголовком «Ценное пособие по истории XIX в.».

ле, недоумевал, почему редакция не обратила внимание читателей на новейшие исследования этого вопроса. Недостатки издания 1937 г. были видны не только Фрязинову. Вскоре пришлось готовить второе издание, его редактором назначили недавно вернувшегося из ссылки Е. В. Тарле, который обещал, что все дефекты будут устранены.

Историю Франции XIX века и ее изложение русскими и французскими авторами Фрязинов знал хорошо, у него была возможность работы в библиотеках Москвы. В его деле есть копия подписанного директором Калининского пединститута 22 октября 1934 г. Отношения в Институт Маркса–Энгельса–Ленина с просьбой «выдать проживающему в Москве доценту С. В. Фрязинову билет на право посещения читального зала Института, чтобы обеспечить тов. Фрязинову возможность ознакомления с иностранной литературой по его специальности (история Запада) и подготовки научных работ и лекционных курсов для студентов института»⁴⁴. Критические размышления о новых изданиях он публиковал в печати: о книге Е. В. Тарле «Жерминаль и прериаль», об издании О. Л. Вайнштейном избранных сочинений Огюстена Тьерри⁴⁵.

Опасаясь, что степень кандидата ему не присвоят без защиты, Фрязинов приступил к исследованию новой проблемы «Принцепс, аристократия и сенат в Древнем Риме времени Нерона», предполагая защитить ее зимой 1938 г. в качестве диссертации. Ученую степень он вскоре получил, а подготовленное исследование оформилось в статью⁴⁶. Позднее в письме к С. И. Архангельскому Фрязинов так оценивал свои труды: «Общая тематика моих работ... пестра – но так уж складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных институтах, где в порядке “педагогической нагрузки” превращают преподавателя, за недостатком людей, в своеобразного “универсала”»⁴⁷.

В представленной для получения ученой степени характеристике читаем: «Доцент истории С. В. Фрязинов, преподаватель курса история Запада, проявил себя как опытный и знающий специальность преподаватель, сумевший передать систематизированные знания по истории студентам на высокой научно-выдержанной основе. Тов. Фрязинов имеет достаточно научных трудов, характеризующих его как научного работника, обладающего большой эрудицией и самостоятельностью в ис-

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 27.

⁴⁵ См.: Книга и пролетарская революция. 1938. № 5–6. С. 149–157. Заметка «Огюстен Тьерри и его сочинения» подписана инициалами С. Ф. Автор не называл ее в списке трудов.

⁴⁶ Фрязинов. 1940.

⁴⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 5 об.

торических исследованиях. Будучи историком Запада, т. Фрязинов хорошо знает иностранную литературу, связанную с тематикой его научной работы. Тов. Фрязинов безотказно выполняет общественную работу, поручаемую ему месткомом и кафедрой истории, выступая на различного рода собраниях и заседаниях с научными докладами; особенно ценна его работа с учительством». ⁴⁸ Эта характеристика составлялась профессором А. Н. Вершинским, коллегой и ровесником Фрязинова.

Но имелась в деле и другая характеристика: «Академическая подготовка хорошая, но преподавание методически безхребетно, однако следует отметить большое стремление тов. Фрязинова овладеть методологией марксизма-ленинизма» ⁴⁹. В 1936 / 37 уч. г., обсуждая на заседании кафедры вопрос об «обеспечении читаемых на факультете курсов истории», завкафедрой указывал, что «отдельные вопросы давались не на достаточно высоком идейном уровне» – преподавателям С. В. Фрязинову и В. Н. Тарасову вменялось, что, давая студентам большой фактический материал, они не всегда «хорошо и исчерпывающе его обобщали, используя для этого высказывания классиков марксизма-ленинизма» ⁵⁰, не уделяли должного внимания роли классовой борьбы. Указывалось, что Фрязинов «возникновение государств Древнего Востока объяснял географическими и природными условиями, а Тарасов отрицал наличие аппарата угнетения в древней Греции и Риме».

Фрязинов стремился «исправиться» и в отчете следующего учебного года (1937 / 38) писал: «В соответствии с задачей усиления общественно-политического воспитания студенчества мною обращалось при производстве испытаний внимание на ознакомление студентов с основными относящимися к читаемым курсам работами основоположников марксизма-ленинизма... Для повышения собственной квалификации в этой области (в дни работы марксистских кружков института я не бываю в Калининe) мною намечается в порядке индивидуального плана систематический просмотр первых 4–5 томов полного собрания сочинений Маркса и Энгельса с целью возможно более широкого извлечения из них и использования относящихся к читаемым курсам высказываний их – с тем, чтобы продолжить эту работу и в дальнейшем» ⁵¹.

Приведенный пассаж из отчета преподавателя – не есть отписка, Фрязинов действительно интересовался работами Маркса: Маркс и Энгельс не раз писали о Французской революции, и их суждения стоило

⁴⁸ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 44. Д. 41. Л. 35.

⁴⁹ Там же. Л. 25.

⁵⁰ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 16. Л. 6.

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10 (41). Д. 13. Л. 10.

знать русскому историку. Читая лекции по периоду так называемого первоначального капитала, преподаватель должен был знать основные идеи «Капитала», которые, заметим, объяснял студентам еще его учитель А. Н. Савин⁵². Рекомендовалась студентам-историкам и книга Энгельса «Крестьянская война в Германии». Интересовала преподавателя провинциального вуза и работа его столичных коллег по публикации «Хронологических выписок» Маркса (этим занимался Е. А. Косминский). Уместным «открытием» для советских историков стало издание работ Энгельса о древних германцах. Но принимал ли Фрязинов тезис о классовой борьбе как движущем факторе в истории?

Несомненно, Фрязинов был материалистом, и свои социологические построения он выстраивал на основе фактов экономической жизни, что заметно уже по его первой публикации. Как вузовский преподаватель он был убежден, что «надлежащее изучение истории предполагает конкретное изображение прошлой жизни... а для этого необходимо общее знакомство не только с историей техники, но и историей материальной культуры в широком понимании»⁵³. Однако его понимание материалистического метода не очень-то гармонировало с тем, что предлагал марксизм-ленинизм. Критические рецензии Фрязинова, делопроизводственные документы кафедры истории Калининского пединститута показывают, что в те годы его более всего заботила методика преподавания истории. К этим материалам следует отнестись с должным вниманием: ведь это было начало формирования советского вузовского исторического образования. Проанализированные архивные и опубликованные документы расширяют корпус источников по истории советской науки, образ «востребованной временем истории» корректируется.

Объявив в мае 1934 г. о преподавании гражданской истории в школе, советские чиновники в возглавляемом А. С. Бубновым Наркомпросе разработали ряд конкретных документов. В 1934 / 1935 уч. г. были составлены и разосланы на места учебные планы и программы для исторических факультетов педагогических вузов.

Программы лекционных курсов составлялись и прежде. Так, еще в 1930 / 1931 уч. г. преподаватель Калининского пединститута будущий академик-медиевист С. Д. Сказкин был обязан представить программу курсов по истории Западной Европы в эпоху феодализма и раннего европейского капитализма. Но теперь государство впервые предлагало всем работать по единому стандарту. В дела Калининского пединститута вши-

⁵² Савин. 1908.

⁵³ Фрязинов. 1935. С. 125.

та копия статьи некоего Л. Ефременко «Об основах перестройки учебных программ» (Народное образование. 1930. № 4). В ней осуждалась практика самостоятельной выработки преподавателями программ. При этом объяснялось, что профессура именно педагогических вузов до сих пор считает революционные воззрения большим пороком для научной квалификации, а консервативность возводит в добродетель и научную заслугу. Отсюда предлагались основные принципы программ, которые должны «конструироваться на основе диалектического материализма».

Проекты новых централизованных программ, авторы которых не указаны в экземплярах, хранящихся в делах пединститута⁵⁴, предлагалось обсудить в коллективах. На заседании кафедры истории (таково ее название до 1939 г.) выступал и Фрязинов⁵⁵. Свое представление о новых учебных планах и программах (с учетом мнения коллег по кафедре) он предложил и для публикации в журнале «Борьба классов»⁵⁶.

Какие достижения увидел преподаватель в сравнении с программами 1933 / 1934 уч. г.? Увеличилось количество часов, был расширен объем программ, достигнута большая систематичность в группировке материала. Но критических замечаний оказалось больше. Фрязинов отмечал, что в новых программах «распределение часов производится чисто механически с целью подогнать их число на каждом курсе к требуемой общей сумме». Так, предлагалось на первом курсе изучать историю доклассового общества Востока и Греции, а также историю Средних веков, история же Рима переносилась на 2 курс, поэтому «принцип изложения событий в генетической и хронологической связи оказывался нарушенным»⁵⁷. «История народов СССР» обгоняла историю Запада: «О феодализме в России студенты услышат на лекциях раньше, чем о феодализме в Западной Европе». Историю ВКП(б) предлагалось изучать до того, как «студенты прорабатывают углубленно материал по соответствующим разделам русской истории». Фрязинов отмечал нецелесообразность изъятия из программ источниковедения как самостоятельного предмета, поскольку это привело бы к «понижению уровня проработки источниковедческого материала». Хорошо зная школьный учебник, он подметил, что вузовские «программы менее углублены, чем программы средней школы, а, казалось бы, должно быть все наоборот».

⁵⁴ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 12. Л. 119–127.

⁵⁵ Подробно см.: *Воробьева*. 2011.

⁵⁶ См.: *Фрязинов*. 1935. Собственно, нам неизвестно, кому принадлежала инициатива такой публикации, но вспомним, что Фрязинов еще в 1931 г. был зачислен рецензентом в Критико-библиографический институт.

⁵⁷ *Фрязинов С.* 1935. С. 125.

Обращал внимание Фрязинов и на скудость рекомендуемых списков литературы, которые не включали иностранные издания, а «литература, предназначенная для преподавателей, ничем не отличалась от литературы, рекомендуемой для студентов». Эти соображения были разумны и логичны. Критические замечания Фрязинова касались и содержательной части программ. Он заметил упоминание в них частных, маловажных имен исторических деятелей (броунисты в Англии, папа Григорий IX) и отсутствие упоминаний Данте, Томаса Мора, Кампанеллы. Важно, что автор рецензии не допускал идейной проработки, а искренне стремился к улучшению вузовского преподавания.

Вскоре выяснилось, что обсуждение программ для преподавателей не закончилось. 27 января 1936 г. появилось сообщение, что в Совнаркоме и ЦК ВКП(б) обсуждались «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой исторической школе Покровского»⁵⁸. Вузам было дано указание уже не оценивать качество программ, а искать в них вредительство. В отчетах преподавателей кафедры истории Калининского пединститута мы обнаружили результаты такой проверки. Фрязинов, в отличие от коллег, сообщал в мае 1938 г.: «Программы, по которым велись курсы, я склонен считать удовлетворительными, и элементов вредительства в содержании программы мною не обнаружено, да и составлены программы лицами, пользующимися известным научным авторитетом и работающими до настоящего времени в московских вузах. Вопрос можно ставить лишь о внесении в программы Наркомпросом некоторых частичных дополнений»⁵⁹. Что же предлагал Фрязинов? «Мне казалось бы целесообразным дать в курсе средних веков некоторые сведения по истории Италии второй половины XVI и XVII вв. и включить в программу характеристику Франции в период правления Людовика XV и так наз. “просвещенного абсолютизма” в государствах Германии XVIII в.». Итак, некоторая самостоятельность при выполнении решения Наркомпроса у кафедры все же оставалась, но каждый шаг преподаватель был обязан согласовывать с начальством.

Для реализации постановлений партии и правительства нужны были марксистские учебники. Борьба вокруг их написания показала, что школьные и вузовские учебники истории становились важным инструментом идеологического воздействия власти, а издание – фактом появления новой марксистской концепции исторического процесса⁶⁰.

⁵⁸ См.: *Артизов. 1994; Дубровский. 2005.*

⁵⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 11.

⁶⁰ См.: *Кондратьева. 2010.*

Советские медиевисты начали с выпуска учебников для школы, учитывая дореволюционный опыт Виноградова, Васильева, Виппера и, возможно, Д. И. Иловайского. Каким должен быть вузовский учебник, кажется, не знал никто. Прежде публиковали только курсы лекций профессоров, их-то и использовали авторы, расширяя и дополняя за счет событий, дат и имен школьные учебники. Каркасом учебников стала программа для исторических факультетов университетов и педвузов. Первыми издали учебники для студентов по истории Древней Греции и Рима, позднее вышел учебник по Средневековью. Фрязинов принял активное участие в их обсуждении, опубликовав несколько рецензий. Так, если в первом издании учебника по истории Греции проф. В. С. Сергеева (1934 г.) он нашел «грубые ошибки и искажения», то второе издание (1939 г.) больше удовлетворяло преподавателя Фрязинова, хотя он полагал, что «переработка не доведена до конца»⁶¹. Высказывал он и критические суждения об учебнике Сергеева по истории Древнего Рима (1938 г.)⁶². В целом же античники, по словам Фрязинова, преодолели влияние модернизаторов, и пособие В. С. Сергеева «отвечало задачам углубленного и серьезного исторического образования».

Вузовский учебник по истории Средних веков (первый том – под редакцией А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна, второй – под редакцией С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна) тоже рецензировался Фрязиновым⁶³. Обе рецензии скорее похожи на труд научного редактора. Обладая поразительной фотографической памятью, Фрязинов, не прибегая к справочникам, указывал на неверное написание дат, имен собственных, названий географических объектов, именованных властных должностей и проч. Таких ошибок было много. Больше всего досталось тексту, написанному А. Д. Удальцовым. Так, на 17-ти страницах главы «Арабы» Фрязинов насчитал более 20-ти грубых ошибок и неточностей. Но все же не это важно в рецензиях вузовского преподавателя. Фрязинов полагал, что «в пособии, предназначенном для высшей школы, должен быть значительно усилен источниковедческий элемент»; «студент должен не только усваивать определенную сумму знаний, но и приобретать навыки самостоятельной работы над источниками». Он отметил, что авторы учебника «поступили правильно, снабдив его указателем литературы к отдельным главам», но «следовало дать еще указания о важнейших источниках по каждому разделу курса с

⁶¹ Фрязинов. 1939в.

⁶² Фрязинов. 1938б.

⁶³ Фрязинов. 1939а, 1939б.

краткой характеристикой этих источников». Фрязинов вопрошал: почему в перечне литературы названа лишь одна работа акад. Д. М. Петрушевского, почему нет указаний на работы акад. А. Н. Веселовского, почему нет упоминаний о сонетах Петрарки, «Декамероне» Боккаччо?

Согласуясь с требованиями соответствующих документов партии и правительства, рецензент предлагал авторам учебника давать «биографический материал, свежий и колоритный, в марксистском освещении». По его мнению, первый том учебника «написан суховатым языком», относительно второго он заметил, что «изложение стало более живым».

Что касается необходимой оценки в применении авторами учебника марксистского метода, то Фрязинов не сомневается, что в «руках компетентных специалистов он, безусловно, дает плодотворные результаты». Под марксистским методом понимался «углубленный социальный анализ исторических событий», который, по мнению Фрязинова, авторы первого тома учебника применяли при рассмотрении борьбы Карла Великого с саксами, причин неудачи крестовых походов и других событий⁶⁴. Второй том давал гораздо больше возможностей для проявления социального анализа исторических событий: географические открытия, Реформация, Крестьянская война в Германии.

Как практикующий педагог, Фрязинов задумывался о возможности усвоения студентами обширного фактического материала и полагал, что авторы учебников должны делать его отбор. Он предлагал дополнять учебные пособия, особенно ориентированные на студентов-заочников, методическими указаниями, хронологическими таблицами, картами, планами проработки тем, иными словами, учебник должен иметь методическое сопровождение. В целом мы полагаем, что позитивные предложения Фрязинова были учтены авторами учебников, в рецензиях на последующие издания учебника не приведено столь значительное число ошибок⁶⁵.

Фрязинов любил своих учеников. В его отчетах о проведении экзаменов по древней истории можно прочесть детальнейшую характеристику ответов студентов и увидеть беспокойство за них. «Из слабых ответов студентов педагогического института некоторые принадлежали нацменам (студ. Тарба, Бамсахурдия, Джалиашвили), отстающим от группы отчасти в связи с довольно слабым знанием русского языка... Аккуратной была в педагогическом институте и явка студентов на ис-

⁶⁴ Заметим, что, по мнению современных историков, именно в характеристике Крестовых походов разошлись взгляды петербургских и московских медиевистов. См.: *Лебедева, Якубский*. 2008.

⁶⁵ Рецензии А. П. Каждана и А. Д. Люблинской в сб. «Средние века». Вып. 7.

пытания: только студентка Кельберер, находясь в здании института, не пошла держать экзамен, хотя, сколько можно судить по данным ранее производившегося коллоквиума, знала материал; с особого разрешения декана она явилась на экзамен 23 января, обнаружив познания отличные, так что становится очевидным, что несвоевременная явка ее на испытание объяснялась просто излишней нервностью»⁶⁶. Для студентов он привозил из Москвы учебники, покупал исторические книги⁶⁷.

Осенью 1938 г. Фрязинов неожиданно покинул Калинин. Неожиданно, так как, судя по его отчетам конца мая, уходить из пединститута он не собирался. В октябре 1938 г. директор Калининского пединститута Захаров даже указал в справке, что Фрязинов уволился без согласия дирекции 1 сентября, чем поставил в затруднение институт в начале учебного года⁶⁸. Возможно, Фрязинов получил вакантное место. На его место был принят по приказу профессор А. С. Башкиров (1885–1963), историк с трагичной судьбой⁶⁹, а вскоре в пединститут вернулся Н. И. Радциг. Таким образом, начальство могло не беспокоиться: преподавание всеобщей истории усилилось профессорами.

В Москве Фрязинов был принят на работу в областной педагогический институт на должность доцента по истории Средних веков, одновременно он преподавал студентам заочного отделения Московского педагогического института им. В. И. Ленина⁷⁰.

Во время Великой Отечественной войны Фрязинов оставался в городе, продолжая преподавание. В 1942 г. он – доцент Московского педагогического института иностранных языков, в 1943 / 44 acad. году читал историю раннего Средневековья и первого периода Новой истории в эвакуированном тогда на год под Москву Белорусском государственном университете. Кроме того, в Московском педагогическом институте иностранных языков Фрязинов читал курс по истории средневековой Испании, видимо, для студентов, специализировавшихся по испанскому языку. В эвакуированном в Подмосковье Белорусском университете Фрязинов читал лекции по новой истории из расчета 100 лек-

⁶⁶ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 1 об.

⁶⁷ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10. Д. 13. Л. 1 об.

⁶⁸ Сотрудники Научной библиотеки ТвГУ просмотрели по нашей просьбе Инвентарную книгу и составили список изданий, приобретенных Фрязиновым по счетам. Их оказалось больше сотни. Большинство книг имеются в наличии и сегодня.

⁶⁹ См.: *Формозов*. 2006. С. 231–236. Заметим, А. А. Формозов не знал, что после ареста в 1935 г. А. С. Башкиров преподавал в Калинин с 1938 по 1948 г.

⁷⁰ Этот период жизни историка нам известен уже не по официальным документам, а по его письмам в Горький С. И. Архангельскому. См.: ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8–14.

ционных часов (от Французской революции до Парижской коммуны). В годы войны он написал статью (2,5 п.л.) о Жанне д'Арк и возглавляемом ею движении и обсудил ее на заседании кафедры истории института иностранных языков⁷¹. На военные годы пришлось знакомство Фрязинова с членом-корреспондентом АН СССР С. И. Архангельским, который дружил с Е. А. Косминским, В. М. Лавровским, имел среди учителей, как и они, А. Н. Савина. Заядлый библиофил, Фрязинов, узнав о выходе перевода книги Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли» в июле 1941 г. в Горьком, каким-то образом нашел возможность обратиться к «автору» издания Архангельскому с просьбой о высылке труда. Тот переправил книгу, и завязалась переписка.

В 1949 г. Фрязинов обратился к Архангельскому с просьбой помочь найти работу в ВУЗах Горького без окончательного переселения туда. Свою просьбу он объяснял тем, что Московский педагогический институт иностранных языков переключился в преподавании истории на «новейшие времена (после Первой мировой войны)»⁷². Архангельский был первым деканом историко-филологического факультета, образованного в 1946 г. в Горьковском госуниверситете, и имел право формирования преподавательского состава. Он и посодействовал устройству Фрязинова на работу и приложил для этого немало усилий даже после того, как оставил пост декана в 1950 г.⁷³ Но сначала Архангельский навел справки у московского коллеги А. Г. Лушниковца о причинах ухода Фрязинова из Московского педагогического института иностранных языков. Из письма Лушниковца Архангельскому интересно следующее: «Раньше было известно, что он оставил ин-т, не находя целесообразным брать на себя *специальную* работу по усовершенствованию своей идейно-теоретической подготовки... С. В. Ф. знает хорошо литературу, относящуюся к методологическим установкам, но не умеет их применять... эрудиция и память у него чрезвычайные; студенты его очень любили за интересное изложение материала»⁷⁴.

В Горьковском университете С. В. Фрязинов преподавал с 1950 г. до начала 1959 г. Интересно совпадение. Среди его новых коллег в свое время истории Французской революции уделял внимание ученик Савина Архангельский. Недавно найдены упоминания научно-популярных работ последнего по этой теме в нижегородской периодике 1917–18 гг.;

⁷¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 8 об. Текст этой работы недавно обнаружен А. В. Поляковой в архиве музея университета и готовится к публикации.

⁷² Там же. Л. 7–7 об.

⁷³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 11, 14 об., 15, 17, 17 об., 18, 20, 23.

⁷⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 214. Л. 246–246 об.

кроме того, в 1929 г. студентам в качестве тем дипломных работ он предлагал сюжеты из истории Французской революции.

Режим работы Фрязинова был напряженным: он приезжал на поезде в Горький, отчитывал лекции по новой истории Западной Европы или принимал зачеты и экзамены. Мог останавливаться у знакомых или непринудительно устроиться ночевать на диване в деканате. Он остался в студенческой памяти чудачком-ученым типа жюльерновского исследователя, увлеченным своим делом⁷⁵. Приведем несколько воспоминаний. «Сергей Васильевич Фрязинов – наш бессменный руководитель научной практики в Ленинграде, был человеком широчайшей эрудиции, потрясающей памяти и необыкновенной доброты. Как мы любили его, как близок был он нам, студентам! Именно под его влиянием я стала самостоятельно осваивать итальянский язык... Сергей Васильевич начал читать нам спецкурс “Итальянское Возрождение”... Сергей Васильевич читал интереснейшие курсы по средневековой Испании»⁷⁶. «Для тех, кто специализировался по Всеобщей истории, незабываем был Сергей Васильевич Фрязинов... Познаниями он обладал уникальными. Весь конспект лекции, который он приносил с собой в аудиторию, обычно умещался на крохотном клочке в четвертинку тетрадного листа, чтобы не отвлекаться от темы. Сергей Васильевич был частично парализован, говорил не очень внятно, но слушали его с огромным вниманием... Встретив его в московской библиотеке через много лет после окончания университета, я с удивлением обнаружил, что все основные сведения обо мне... и моих однокурсниках ему известны»⁷⁷.

По сути, сигналом к окончанию работы в Горьковском университете стала смерть С. И. Архангельского осенью 1958 г. Вот как описывал Фрязинов свой последний приезд в Горький в письме Н. И. Приваловой: «... в Горьком я был в последний раз, принимая экзамен в январе 1959 г. Находился я в Горьком всего три неполных дня... потратил день (второй. – *И. В., А. К.*) опять до ночи на экзамен и консультацию, на третий день проводил экзамен с утра до вечера, а по окончании его отправился прямо из университета на вокзал (только поел немного)... Ни в весеннем, ни в осеннем полугодии 1959 г. я занятий в Горьковском университете не имел, видимо, и впредь иметь не буду – место мое замещено, да если бы мне с осени 1959 г. и предложили что-либо, пришлось бы

⁷⁵ Из устной беседы с учеником С. В. Фрязинова в Горьковском университете, руководителем Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук академиком Г. А. Куманевым.

⁷⁶ Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. 2005. С. 3–4.

⁷⁷ Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. 2006. С. 12.

отказаться, уж нельзя было выезжать при печальном состоянии здоровья моей матери... в Горьком вряд ли придется еще побывать...»⁷⁸.

Осенью 1959 г. умерла мать Фрязинова. Он ремонтировал опустевшую квартиру, разбирал свою библиотеку, жил на пенсию и гонорары за публикации в энциклопедических изданиях, писал «мелочи» и рецензии для Большой Советской и Исторической энциклопедий («маракую мелкие заметки», а это «небесполезно для кармана»)⁷⁹.

Научные занятия, в которых появилась новая тематика, Фрязинов не оставлял до конца жизни. Из письма Архангельскому от 17 июля 1949 г.: «В последнее время веду работу над “Очерками по истории средневековой Испании”»; пока это листах на 20 печатных – лишь значительно расширенное изложение лекционного курса, читанного мною в институте иностранных языков, находящееся в сугубо черновом виде; помышляю о привлечении источников (в Москве кое-что из них имеется) и дополнительной литературы, и тогда это может быть, примет в большей степени “научообразный” вид»⁸⁰. Рассматривая перспективу преподавания истории Испании, с 1945 г. Фрязинов стал учить испанский язык: «Еще не так давно, года 4 назад, пришлось, в связи с перспективой преподавания истории Испании в институте иностранных языков приняться за изучение испанского языка; овладевая им настолько, чтобы быть в состоянии читать историческую книгу на этом языке»⁸¹. Первые его статьи по истории Испании, опубликованные в Ученых записках Горьковского университета, посвящены малоисследованным крестьянским движениям в Кастилии XV в.⁸² В 1964 г. Фрязинов писал коллегам в Горький по поводу возможного сведения испановедческих штудий в книгу: «Ведь и международное положение, и судьбы такого раздела исторической науки, как история средних веков, сейчас темны, и гадания о будущем в этих сферах так же проблематичны, как предсказания Дельфийского оракула»⁸³. Возможно, еще одной причиной отказа от подготовки книги по истории средневековой Испании стало ухудшающееся самочувствие.

В 1970 г. почти 80-летний Сергей Васильевич «разбился в библиотеке», упав с высоты при ее описании. Судьба личной библиотеки опре-

⁷⁸ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 6–6 об.

⁷⁹ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 3. Д. 202. Л. 5, 13; Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 15 об.

⁸⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 9.

⁸¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 9.

⁸² См.: *Фрязинов*. 1954. 1957. Высокую оценку исследований Фрязинова по социально-экономической, прежде всего, аграрной, истории Астурии, Леона и Кастилии находим в работах современных историков. *Пичугина*. 1975; *Савенко*. 2005.

⁸³ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 277. Л. 9 об.

делилась: около 7 тысяч книг по истории Западной Европы и России были переданы университетской библиотеке в Горький. Еще 10 тысяч томов трофейных иностранных изданий стараниями Фрязинова было получено ею из резервных фондов московских библиотек⁸⁴. Таков был посмертный и бескорыстный дар историка Горьковскому университету, но этим даром нижегородцы, к сожалению, мало воспользовались.

Скончался Сергей Васильевич в Москве в 1971 г., отпевали его в православном храме, народу было так мало, что даже гроб несли женщины. Вспоминаются горькие слова коллеги по ГГУ, почти ровесника Фрязинова: «Н. П. Соколов, обращаясь к Фрязинову, говаривал, что Сергей Васильевич родился не в свой век: ему бы в Париж XVII века, чтобы стать украшением монастыря Св. Мавра (монахи которого проявили себя как глоссаторы и публикаторы древних текстов – преимущественно латинских и греческих)»⁸⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.* Рец. на кн. Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде // Дела и дни. Петроград, 1921. С. 236–237.
- Артизов А. Н.* Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
- Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1919. Вып. XIII. Второй исторический сборник. 326 с.
- Берельковский И. В.* Виктор Трофимович Илларионов // Записки краеведов. Горький, 1983. С. 150–154.
- Блонин В. А., Молев Е. А.* Медиевистика // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006.
- Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968.
- Воробьева И. Г.* История издания журнала «Тверская старина» // Воробьева И. Г. Славяно-Россика. Тверь, 2008. С. 366–376.
- Воробьева И. Г.* Как преподавали средние века в провинциальном вузе // Средние века. 2011. В печати.
- Воробьева И. Г., Кузнецов А. А.* Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Вестник ТвГУ. 2011. № 6. Серия: История. Вып. 1. С. 62–87.
- Григорьева Е. А.* Новые источники по биографии С. В. Фрязинова // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII международной научной конференции. М., 2010. С. 184–186.
- Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.

⁸⁴ Молев. 2006. С. 17.

⁸⁵ Цит. по: Кузнецов Е. В. 2008. С. 83.

- Дальние экскурсии по Тверской губернии. Тверь, 1928.
- Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005.
- Зюзина П. В., Кузнецов А. А., Пудалов Б. М.* Н. И. Привалова: судьба провинциального историка в XX веке // *Привалова Н. И.* Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008. С. 3–24.
- Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижн. Новгород, 2005.
- Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Выпуск третий. Нижний Новгород, 1996.
- Колобов О. А., Кузнецов Е. В., Толстова Н. Н.* Я люблю мой истфак. Очерки. Нижний Новгород, 2006.
- Кондратьева Т.* Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // *Европа: Международный альманах.* Тюмень, 2010. Вып. 9. С. 73–79.
- Кузнецов А. А.* С. И. Архангельский (1882–1952). Вехи научного пути // *Пиренн А.* Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С. И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009. С. 146–168.
- Кузнецов Е. В., Меженин В. М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся ученые. Горький, 1988. С. 126–136.
- Кузнецов Е. В.* Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008.
- Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Cafedra mediī aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008.
- Молев Е. А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в прошлом и настоящем // *Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского.* Нижний Новгород, 2006.
- Памяти Александра Николаевича Савина: Сб. статей. М., 1926 [Труды Ин-та истории (РАНИОН). Вып. 1].
- Пичугина И. С.* С. В. Фрязинов – видный советский исследователь средневековой Испании (1893–1971) // *Проблемы испанской истории.* М., 1975. С. 250–251.
- Профессор Анатолий Николаевич Вершинский. Дневник. Воспоминания / Предисл. И. Г. Воробьёвой / Подг. И. Г. Воробьёвой, Т. П. Сергеевой. Тверь, 2005.
- Резепин П. П.* Замечательные выпускники Костромской губернской гимназии // *Костромская старина / Историко-краеведческий журнал.* Кострома, 2006. № 19.
- Савенко Г. В.* О состоянии и перспективах изучения отечественной наукой истории права Испании X–XV веков // *Правоведение.* 2005. № 2. С. 227–248.
- Савин А. Н.* История Европы XVI века. (Общий курс). Коллективное изложение лекций, читанных в университете и Высших Курсах в 1908 / 9 уч. году. Москва, 1908.
- Савин А. Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. // *Записки отдела рукописей / Рос. гос. б-ка.* М., 2004. Вып. 52. С. 179–256.

- Флейман Е. А.* Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917–1930 гг. // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 1 // http://moscva.cv.ua/text/html/kos_zem/vyp_1/soderzh.html (август, 2010).
- Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006. С. 231–236.
- Французская революция 1789–1794 гг. / Под ред. акад. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.; Л., 1941.
- Фрязинов С.* Великая французская революция. Научно-популярный очерк. М., 1927. 312 с.
- Фрязинов С., Павлов Л.* Из области методики исторической экскурсии // История в средней школе. 1934. № 4. С. 100–106.
- Фрязинов С.* О преподавании истории на исторических факультетах педвузов // Борьба классов. 1935. № 6. С. 125–127.
- Фрязинов С.* Переиздание «Истории XIX века» // Книга и пролетарская революция. 1938а. № 1. С. 95–100.
- Фрязинов С.* Новая книга о жерминальском и прериальском восстаниях // Книга и пролетарская революция. 1938б. № 5–6. С. 149–157.
- Фрязинов С.* Новое учебное пособие по истории древнего Рима // Книга и пролетарская революция. 1938в. № 10–11. С. 158–162.
- Фрязинов С.* Новый учебник по истории средних веков // Книга и пролетарская революция. 1939а. № 1. С. 78–84.
- Фрязинов С.* Новый учебник по истории XVI–XVIII вв. // Книга и пролетарская революция. 1939б. № 7–8. С. 74–76.
- Фрязинов С.* Новое издание «Истории Древней Греции» // Книга и пролетарская революция. 1939в. № 11. С. 83–86.
- Фрязинов С. В.* Принцепс, аристократия и сенат в Риме времен Нерона // Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института. М., 1940. Т. 2. С. 187–245.
- Фрязинов С. В.* Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма // Ученые записки Горьковского государственного университета (УЗ ГГУ). Вып. 26. Горький, 1954. С. 75–91.
- Фрязинов С. В.* Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века (германдиносы и крестьянские гермаданды; движение в армии при Саморе и Торе // УЗ ГГУ. Вып. 43. Горький. 1957. С. 109–122.
- Воробьева Ирина Геннадиевна***, доктор исторических наук, профессор Тверского государственного университета; Dubrovnik@mail.ru.
- Кузнецов Андрей Александрович***, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Нижегородского педагогического университета; Dubrovnik@mail.ru.